

Когда Цзян Чжао увидел этот круглый след, кровь в его жилах застыла. Он не мог ошибиться: именно это он видел в своем первом кошмаре после того, как оказался в этом мире. В том абсурдном, жутком сне неведомое чудовище укусило его именно за поясницу. Ошибки быть не могло... Но ведь это был всего лишь сон, как он мог появиться на его теле в реальности?

Теперь перед ним было два предположения: либо он все еще спит, либо... что-то оставило на нем этот след, пока он спал. Какая бы из догадок ни оказалась верной, Цзян Чжао инстинктивно отказывался в это верить. Его кадык судорожно дернулся, он опустил край одежды, пытаясь убедить себя, что это просто случайная царапина.

А что, если это действительно так? Что, если он просто накручивает себя? Он обманывал сам себя, хотя пальцы до побеления сжимали ткань рубашки. Лишь бы не один из тех двух вариантов.

Когда Цзян Чжао вышел, кабинет Се Минси был плотно закрыт. Ли Юйюнь ждал его у дверей. Заметив, что Цзян Чжао приближается, он с тяжелым видом произнес:

— Поедем домой?

Тот кивнул, подсознательно закусив губу. О чем же этот врач говорил с главным героем, раз у того стало таким мрачным лицо? Неужели... он что-то заподозрил из его полуправдивых рассказов? Невозможно. В своих описаниях он всегда выставлял себя в выгодном свете, и даже самый проницательный психолог не смог бы прочесть, что у него на уме. Утешив себя этой мыслью, он немного успокоился и вместе с Ли Юйюнем вернулся в дом семьи Цзян.

— Чжао-Чжао, не бойся. Врач ничего особенного мне не сказал, лишь немного прояснил ситуацию с твоими симптомами. Скажи, ты в последнее время постоянно страдаешь от бессонницы?

Цзян Чжао робко кивнул. Он был в ужасе, но, подняв взгляд из-под челки, посмотрел на Ли Юйюня глазами, похожими на виноградины в ледяной крошке, — вид у него был совершенно невинный.

— А что еще... сказал врач Се?

Ноги Цзян Чжао все еще болели, поэтому Ли Юйюнь помог ему сесть на диван в гостиной. Убедившись, что вокруг никого нет, он спокойно произнес:

— Врач Се сказал, что так продолжаться не может. Он считает, что та авария стала твоим внутренним демоном. Если ты будешь вечно цепляться за прошлое, то так в нем и застрянешь, у тебя никогда не будет своего будущего. Более того, есть риск, что ты навсегда останешься в том кошмаре.

Цзян Чжао опустил голову, став похожим на увядший цветок на балконе, который залило дождем, но Ли Юйюнь по едва заметным движениям видел его тревогу. Чего он боится? Что он скрывает?

Он услышал голос юноши — мягкий и нежный, словно запертая в клетке канарейка, которая поет свою скорбную песнь:

— Я что, стал обузой для тебя и мамы?

— Ну что ты, Чжао-Чжао, не думай так. Мы ведь друзья. К тому же, разве ты не называешь меня братом Ли? Раз уж ты назвал меня братом, значит, я теперь твой старший брат.

Ли Юйюнь протянул руку, кончиками пальцев коснувшись мягких волос юноши. Какие же они мягкие. Мягче, чем у любого зверька, которых ему доводилось гладить. Да и сам он — словно комочек теста, кожа такая нежная, что стоит нажать — останется след. Так и хотелось мучить его еще сильнее, до тех пор, пока он не растает в слезах, превратившись в теплую весеннюю воду.

Ли Юйюнь и сам не знал, почему, стоило ему прикоснуться к Цзян Чжао, как его разум словно затуманивался. В глазах — да и в сердце — был только этот юноша. Больше ничему не оставалось места. Его дыхание на миг перехватило, мозг подал сигнал жадного желания, не позволяя убрать руку с этой пушистой головы.

Ему хотелось большего... Хотелось размолоть юношу в порошок, оставить лишь обломки костей, вычистить всю плоть до капли. Эта прекрасная оболочка должна быть сохранена в безупречном виде, без единой царапины. Если бы только можно было, он бы собственноручно снял с него кожу, медленно, слой за слоем, со спины, не повредив ни на йоту. У произведений искусства не должно быть изъянов. Красота заключается в костях, а не в коже, и кости тоже нужно сберечь. Можно было бы сделать полноразмерную куклу, набить ее белоснежным хлопком, а потом сшить все обратно, используя эту очищенную кожу. Он стал бы еще прекраснее, чем сейчас.

От одной этой мысли у Ли Юйюня зачесалось в костях, кровь закипела и с бешеной скоростью заструилась по его холодному телу, грозясь окончательно разрушить остатки рассудка. Казалось, еще мгновение — и он вопьется зубами в тонкую, лебединую шею юноши, чтобы почувствовать вкус крови. От него так сладко пахло.

Похоже, его рука задержалась слишком долго, и Цзян Чжао, почувствовав неладное, поднял на него растерянный взгляд:

— Брат Ли?

От одного этого взгляда все жестокие и безумные мысли развеялись, не оставив и следа. Ли Юйюнь растаял быстрее, чем юноша, — словно кусок льда, который тот держал у себя во рту.

Даже ничего не делая, он сам превращался в лужицу теплой воды.

Он не мог причинить ему вреда. Юноша и так был прекрасен. Прекраснее, чем самые дорогие драгоценные камни, которые он подбирал для глаз своих кукол, нежнее, чем искусственная кожа, на которую он тратил тысячи, и прекраснее любого другого трофея, который он когда-либо выбирал. Казалось, он был рожден именно таким.

Ли Юйюнь услышал, как его душа издала вздох удовлетворения. Бесчисленные тени хлынули из темных углов, увлекая его в болото, поглощая без остатка. Он хотел этого юношу. Что бы то ни было — он хотел его всего.

<http://bllate.org/book/18611/1791920>